

Минаев Андрей Иванович

ВОСПРИЯТИЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ В РОССИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА

Статья посвящена анализу восприятия британской политической культуры в России второй четверти XIX века. Автор обращает внимание на то, что начавшаяся в указанный период модернизация британского парламентаризма, протекавшая в рамках ограниченной реформы избирательного права, демонстрировала его способность к консервативному обновлению, которое становилось востребованным в самой России.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/30.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 8 (22): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-121. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

УДК 93/94

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу восприятия британской политической культуры в России второй четверти XIX века. Автор обращает внимание на то, что начавшаяся в указанный период модернизация британского парламентаризма, протекавшая в рамках ограниченной реформы избирательного права, продемонстрировала его способность к консервативному обновлению, которое становилось востребованным в самой России.

Ключевые слова и фразы: вторая четверть XIX века; Россия; Великобритания; консервативное обновление; британский парламентаризм; политическая культура.

Андрей Иванович Минаев, д.и.н., доцент

Кафедра всеобщей истории и международных отношений

Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

aiminaev@mail.ryazan.ru

**ВОСПРИЯТИЕ БРИТАНСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ
В РОССИИ ВТОРОЙ ЧЕТВЕРТИ XIX ВЕКА[©]**

Переход к консервативному внутривнутриполитическому курсу во второй четверти XIX в. связан не только с совокупностью внутри- и внешнеполитических обстоятельств, но и самой личностью будущего российского императора великого князя Николая Павловича. В 1817 г. в образовательных и познавательных целях он совершил поездку в Великобританию. Знакомство с «этой достойной внимания страной», по словам вдовствующей императрицы Марии Федоровны, должно было завершить образование Николая.

Великобритания чрезвычайно понравилась будущему императору своим консервативным бытом, за исключением митингов в Гайд-парке и прений в парламенте. Он так отозвался об уличных митингах: «Если бы на наше несчастье какой-нибудь злой гений перенес к нам эти клубы и митинги, которые больше шумят, чем делают дело, то я просил бы Бога, чтобы он повторил чудо смешения языков или уже отнял дар слова у тех, кто делает из него такое употребление» [2, с. 42].

Движение декабристов, не смотря на его поражение, заставило правящие круги России активизировать поиск оптимальной идеологической концепции отечественного абсолютизма. Это нашло выражение в создании так называемой «теории официальной народности». Её краеугольным камнем стала выдвинутая министром народного просвещения графом С. С. Уваровым формула «Православие, Самодержавие, Народность».

В связи с «теорией официальной народности» принципиально важными, на наш взгляд, являются два обстоятельства. Во-первых, ее появление во многом было обусловлено исторически сложившимся противопоставлением «Россия – Запад», а следовательно, предполагало идейное обоснование сосуществования российского самодержавия с государственно-правовыми системами западноевропейских стран, включая, вне всякого сомнения, британский парламентаризм. Во-вторых, официальная идеология, с одной стороны, придала более законченные очертания отечественному консерватизму, а с другой, стимулировала дальнейшее развитие либерального и радикального направлений общественно-политической мысли России, в том числе и при освещении европейского политического процесса. В силу последнего оценки британского парламентаризма в 30-е–40-е гг. XIX в. приобретали у представителей различных направлений более четкий, идеологически выверенный характер, что подчеркивало специфику каждого из них.

Ориентация «западников» на британские социально-политические и государственно-правовые стандарты общепризнанна, в то время как «славянофильская» позиция в этом вопросе нуждается в детальном исследовании. В отечественной исторической науке прочно укоренилось мнение о противопоставлении русскими славянофилами России и Европы. По нашему мнению, данный тезис требует некоторого уточнения. Следует учитывать, что понятия «Запад», «европейская цивилизация» не характеризуются абсолютной однородностью, а, напротив, в социально-политическом аспекте представляют собой совокупность различных государственно-правовых форм и общественных институтов. По крайней мере, между континентальной Европой, облик которой у многих отечественных мыслителей формировался под влиянием Франции, и Великобританией имели место существенные различия. В связи с этим несомненный интерес представляют англофильские воззрения крупнейшего идеолога славянофильства А. С. Хомякова.

В 1848 г. он написал «Письмо об Англии», которое стало результатом осмысления впечатлений, полученных от поездки в эту страну годом ранее. Хотелось бы подчеркнуть, что его англофильство носило прикладной, прагматический характер. Обращение к историческим корням и современному состоянию британского общества для А. С. Хомякова определялось поиском параллелей с российской действительностью. Противопоставляя британскую традиционность европейскому космополитизму, он доказывал возможность относительно обособленного исторического существования, что было созвучно с идеей самобытности России. Великобритания была для него не объектом для подражания, но моделью наиболее конструктивного общественного развития. «Жизнь Англии, - писал он, - развивалась самобытно из своих собственных начал» [4, с. 229].

По мнению А. С. Хомякова, подражание иноземным образцам бесперспективно, поскольку ведет к утрате национальной самобытности, более того, мешает объективно оценить как положительные, так и отрицательные качества, присущие объекту подражания. «Англия, почти во всем самобытная, сделалась предметом

постоянного подражания, а неразумие есть всегдашнее условие подражания. Человек ли обезьянничает человеку, или народ ломается, чтобы сделаться сколком другого народа, в обоих случаях человек или народ не понимают своего оригинала: они не понимают того цельного духа жизни, из которого истекают внешние формы; иначе они бы и не вздумали подражать» [Там же, с. 219].

Нам представляется особо важным указание А. С. Хомякова на взаимосвязь «духа жизни» народа и «внешних форм» его организации. Общественные институты, государственно-правовые формы, адекватно и эффективно выражающие и обеспечивающие развитие того или иного народа, по его мнению, не могут быть механически перенесены на чужую почву. А. С. Хомяков с некоторой снисходительностью рисует парламент, но при этом отдает ему должное как инструменту именно британского государственного механизма. «...Где такие малосложные средства дают такие огромные результаты? Где ум идет к цели так прямо? Человек триста собрались в большой комнате в вечных своих черных фраках, сидят кто как попал, почти в беспорядке; иной полулежит, иной дремлет; один какой-нибудь из присутствующих говорит с своего места: это парламент, величайший двигатель новой истории» [Там же, с. 222].

«Дух жизни» британцев, составляющий основу их ментальности, по мнению А. С. Хомякова, состоит из консерватизма, трепетном отношении к национальным основам общественной и государственной жизни. «Действительно всякий англичанин – тори в душе. Могут быть различия в силе убеждений, в направлении ума; но внутренне чувство одинаково у всех» [Там же, с. 231].

Это выражается в первую очередь в трепетном отношении к таким основам британской государственности как монархическое правление и уважение к закону. «Английская гувернантка, после тридцатилетнего отсутствия из Англии, не могла слышать песни *God save the king* (Боже царя храни) без того, чтобы не снять шапок с головы своих воспитанников, и она делала это совершенно бессознательно. Таково же отношение англичанина к закону. Он беспредельно уважает закон; но почему? Потому, что всякий закон английский есть английский вполне» [Там же, с. 232].

Политический консерватизм А. С. Хомяков находил и у основной массы соотечественников и считал его важнейшим фактором русской самоидентификации. «Если ты хочешь найти тористические начала вне Англии, - оглянись: ты их найдешь... Вот величие златоверхого Кремля с его соборами, и на Юге пещеры Киева, и на Севере Соловецкая святыня, и домашняя святыня семьи, и более всего, вселенское общение никому неподсудного Православия» [Там же, с. 237].

По справедливому мнению Хомякова, внутривнутриполитический процесс в Великобритании середины XIX в. определялся противостоянием тори и вигов, точнее консерваторов и либералов. А. С. Хомяков полагал, что политический аспект этого конфликта не является первостепенным, поскольку концептуально в сознании политической элиты страны доминировали консервативные установки, предполагавшие мирную эволюцию при сохранении важнейших политико-правовых форм и институтов. С другой стороны, различия между двумя направлениями носили скорее социальный характер, поскольку они по-разному оценивали перспективы и приоритеты общественного и экономического развития. «Разрознились и вступили в борьбу две разумные силы народа. Одна, органическая, живая, историческая, ослабленная уже упадком сельского общинного быта и бессознательно допущенным скептицизмом протестантизма, составила торизм. Другая, личная и аналитическая, не верящая своему прошедшему, приготовленная уже издавна тем же упадком общинного быта и усиленная всею разлагающею силою протестантизма, составила вигизм» [Там же, с. 231].

Как нежелательно было для А. С. Хомякова сохранение традиционных институтов и отношений, он вынужденно признавал динамику британского исторического процесса. «Конечно, Англия еще крепка, много живых и свежих соков льется в ее жилах; но дело вигов идет вперед неудержимо. Звонко и мерно раздаются удары протестантского топора, разрубаются тысячелетние корни, стонет величавое дерево» [Там же, с. 238].

Обращение А. С. Хомякова к анализу внутривнутриполитических процессов в Великобритании было отнюдь не случайной. Общественно-политическая практика в этой стране была для него интересна в сопоставлении с отечественной действительностью. В стремлении британцев опереться на собственные традиции А. С. Хомяков находил созвучные настроения своей концепции развития России. Великобритания не была для него образцом для заимствования конкретных политико-правовых форм, но давала метод ненасильственной эволюции.

Великобритания привлекала внимание и отечественных консерваторов второй четверти XIX в. Их оценки государственно-правовой системы этой страны становились определеннее. Отказываясь видеть острейший социально-политический кризис, который был отчасти разрешен благодаря избирательной реформе 1832 г., они рассматривали британский парламент как элемент системы, контролируемой и направляемой монархией.

Так, видный консервативный журналист, писатель и издатель Н. И. Греч в своих «Путевых письмах из Англии, Германии и Франции», изданных в Санкт-Петербурге в 1839 г., анализируя расстановку политических сил в британском парламенте, приходил к выводу о том, что «...сколь не различны все эти партии в мнениях своих о том, какие средства должно употребить для достижения цели – они согласны в одном, в ревностной приверженности к своему отечеству, к своему государю, в совершенной покорности существующим законам и в пламенном желании всех благ, славы и величия их любезной Британии» [3, с. 224].

Затем он с восторгом восклицал: «Цвети, прекрасная, благородная, величественная Британия! Будь примером и образцом благочестия, непоколебимой верности к добрым монархам, искренней любви к своему отечеству и приверженности к ее законам!» [Там же, с. 252].

Начало критическому отношению русских радикалов к британскому парламентаризму было положено В. Г. Белинским, который писал: «Те же Чичиковы, только в другом платье: ...в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на свободных парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда, но в сущности, оба они не лучше друг друга» [1, с. 360].

Развитие британского парламентаризма стало фактором, который во многом содействовал во второй четверти XIX в. формированию либерального, консервативного и радикального подходов в России к освещению европейского политического процесса.

Правление Николая I стало качественно новым этапом в развитии отечественного конституционализма. В этой связи британская государственно-правовая модель привлекала внимание в России по двум причинам. С одной стороны, власти, умеренным и консервативным кругам импонировала ее устойчивость, в основе которой лежал многовековой компромисс монархии и аристократии. С другой стороны, начавшаяся модернизация британского парламентаризма, протекавшая в рамках ограниченной реформы избирательного права, демонстрировала его способность к консервативному обновлению, которое становилось востребованным в самой России.

Список литературы

1. **Белинский В. Г.** Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. М.: Издательство АН СССР, 1955. Т. 6. С. 351-365.
2. **Высочков Л. В.** Николай I. М.: Мол. гвардия, 2003. 693+11 с.
3. **Греч Н. И.** Путевые письма из Англии, Германии и Франции. СПб.: Типография Греча, 1839. Ч. I. VIII+254 с.
4. **«Я берег покидал туманный Альбиона...»: русские писатели об Англии. 1646-1945** / сост. О. А. Казнина, А. Н. Николокин. М.: РОССПЭН, 2001. 648 с.

PERCEPTION OF BRITISH POLITICAL CULTURE IN RUSSIA IN THE SECOND QUARTER OF THE XIXTH CENTURY

Andrei Ivanovich Minaev, Doctor in History, Associate Professor

Department of General History and International Relations

Ryazan' State University named after S. A. Esenin

aiminaev@mail.ryazan.ru

The author analyzes the perception of British political culture in Russia in the second quarter of the XIXth century, and pays special attention to the fact that the modernization of the British parliamentary system of that period, which occurred within the framework of electoral right limited reform, demonstrated its ability to conservative renovation, which became popular in Russia as well.

Key words and phrases: the second quarter of the XIXth century; Russia; Great Britain; conservative renovation; British parliamentarianism; political culture.

УДК 94(47.13):35.088.6

Исторические науки и археология

Статья посвящена анализу контингента обучающихся партийных и советских кадров Коми АССР в 1980-е гг. в Ленинградской высшей партийной школе и Академии общественных наук при ЦК КПСС. Автор обращает внимание на планирование и расчет контингента обучающихся руководящих кадров республики, а также на особенности составления перспективных планов подготовки управленческих кадров, анализируя при этом состав и объёмы партийных и советских кадров, обучающихся в высших партийных учебных заведениях.

Ключевые слова и фразы: партийные работники; советские работники; подготовка управленческих кадров; повышение квалификации; кадровая политика; партийно-политическое образование; планирование.

Наталья Владимировна Минаева, к.и.н., доцент

Кафедра документоведения, архивоведения и прикладной лингвистики

Коми республиканская академия государственной службы

minaeva28@rambler.ru

СОСТАВ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПО ПРОГРАММАМ ПОДГОТОВКИ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КАДРОВ В КОНЦЕ 1980-Х ГГ. В КОМИ АССР[©]

На территории республики к середине 1980-х гг. не было партийных учебных заведений, дающих высшее партийно-политическое образование. Обучение проводилось в рамках курсов повышения квалификации руководящих партийных и советских кадров при Коми обкоме КПСС. В соответствии с территориальным делением обучение руководящих кадров республики проводилось на базе Ленинградской высшей партийной школы и Академии общественных наук при ЦК КПСС.

В 1985 г. в докладе «Улучшать работу с кадрами» первый секретарь Коми обкома КПСС И. П. Морозов отмечал, что за пять лет «Академию общественных наук при ЦК КПСС и Ленинградскую высшую партийную школу окончили 170 человек. На курсах повышения квалификации партийных и советских кадров обкома, межреспубликанских курсах при Ленинградской высшей партийной школе и в Институте повышения квалификации